

A close-up photograph of a single, light-yellow potato with some small brown spots. The potato is resting on a bed of coarse, light-brown straw or hay. The background is a dense, textured mass of the same straw. The lighting is soft, highlighting the texture of the potato's skin and the fibers of the straw.

Анна Яковлева

ПРОФЕЛКИ КУРИНОГО
БОГА

16+

Анна Яковлевна Яковлева

Проделки куриного бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55340152

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06113-2

Аннотация

Михалине Трацевской тридцать семь. «Ну и что, что красота и молодость прошли? – уверяет она себя. – Зато у меня теперь есть нечто гораздо более ценное: ясность мировоззрения, мудрость, вера в Бога и сыновья. И бесстрашие. Вот мое военное преимущество. Женщина моих лет – настоящая твердыня, способная противиться искушениям». После двадцати лет брака развод представляется ей убийственной процедурой, придуманной фарисеями и чернокнижниками, и вдруг, в вагоне-ресторане, уносящем ее на запад, под стук колес, после бокала вина слово заиграло совсем другими красками, совсем другими... Твердыня рушится при встрече с тем самым единственным мужчиной, который создан для нее и только для нее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	27
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	61
Глава 8	63
Глава 9	68
Глава 10	71
Глава 11	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анна Яковлева

Проделки куриного бога

Все события, происходящие в романе, вымышлены, любое сходство с реально существующими людьми — случайно.

Автор.

Глава 1

...Он заведет собаку – вот, что он сделает.

Собака-то уж точно не предаст. Собака будет любить его преданно и бескорыстно. И он будет любить ее. Гулять с ней, баловать и чесать брюхо. Собака будет встречать его после работы и приносить мячик.

Герасимов потушил сигарету в блюдце, заменявшем пепельницу, и захлопнул балконную дверь.

Отвращение к вранью Герасимову внушили в детстве, и он сразу понял, что жена врет.

Ну, какой это, к чертям собачьим, секрет, если налицо все признаки – нет, не измены! – романа на стороне!

Бегающие глазки, тайные звонки, этот страх выпустить мобильную трубку из рук, постоянные отлучки и вранье, вранье, вранье – без креатива, тупое и плоское... Как сама Лилька.

«У Аньки засиделась...» – Герасимов слышал это едва ли не каждый вечер. Еще «представляешь, в лифте застряла», и еще «в поликлинике очередь безумная, как при совке...». Только пробки на улицах и совещания на работе не приплекла, потому что о пробках в их городе знали из телевизора, а совещания в школьной библиотеке в первый и последний раз проводилось при Горбачеве.

Ко всему Лилька вдруг рьяно взялась реформировать биб-

лиотеку, обновлять фонды, участвовать в каких-то семинарах, проводимых за пределами городка, замещать больных и отпускников, хотя до этого даже зарплату не отработывала. С подружкой детства Анькой, которую регулярно поливала помоями, вдруг стала проводить все выходные. Потом и вообще умом тронулась – давай петь в народном хоре, хотя ни голосом, ни слухом похвастать не могла. Даже приглашительные билеты на концерты городской самодеятельности подсовывала на видное место.

Ну, не идиот же он, на самом деле!

Или идиот?

Герасимов достал из шкафа несколько вешалок со своими вещами, блуждая по ним рассеянным взглядом, пристроил на спинке дивана.

Штука в том, что Герасимов и не хотел знать правду. Ложь его устраивала. Все бы так и продолжалось, но Лилька – дура – взяла и призналась, что у нее есть любовник. Зачем?

Он скрипнул зубами от бессильной злобы. Может, розгами ее высечь? У них есть розги в запасниках. Если не воспитает, то, по крайней мере, испытает облегчение. Или не испытает?

То–то Лильке раздолье будет, когда он отчалит в командировку. Мозги сдавило, как тисками.

Герасимов огляделся, будто очнулся.

Круглый стол, накрытый скатертью с кружевом ручной работы, дешевенькие стулья из лозы, комод с резными дверка-

ми, старый фикус под окном – все было, как при маме.

Сжав челюсти, Герасимов опустился на диван и с силой потер лицо ладонями, так, что нос, щеки и лоб стали красными.

Как ни странно, это принесло некоторое облегчение.

Посидев некоторое время с закрытыми глазами, Герасимов поднялся, прихватил один из стульев, стоящих вокруг стола, и перенес его в прихожую.

Испытывая странную, какую-то даже нечеловеческую усталость, будто на нем ночь напролет каталась Панночка, полез в антресоли за сумкой.

Сумки в антресолях не оказалось.

Разозлившись, Герасимов сдернул какую-то тряпицу с непонятной кучи барахла и наткнулся на стопку семейных альбомов.

От вида этих самых альбомов Герасимову захотелось умереть.

Мысль подкупала новизной и одним махом решала все проблемы. Командировка бы отменилась – раз. Развод – два.

Поискав, что бы такое позитивное пристегнуть к списку под номером «три» и не найдя, Герасимов спрыгнул со стула, сел на него, сиротски упер локти в колени, и погрузился в мрачные размышления.

Олюшку, дочку жалко. Как она воспримет развод родителей? В семнадцать лет дети такие же максималисты, как в четырнадцать. И как он будет без нее?

Экзамены на носу, выпускной. Черт знает, как все не вовремя. Мысль пошла по кругу: за каким бесом Лилька исповедалась?

Именно так – в прихожей на стуле – его и застала неверная супруга.

Увидев мужа, она хлопнула виноватыми медовыми глазами и потупилась.

Сцепив руки замком, Герасимов в полном молчании наблюдал, как жена разулась, и подавил в себе позыв к уходу, когда Лиля расстегнула плащ. Пусть ей новая любовь помогает.

Оставив облако сладкого дурмана, Лиля скользнула мимо. Шаги ее остановились совсем близко, вздохнула дверь в ванную, зашумела вода.

Герасимов принохался.

Он мог голову дать на отсечение: такого парфюма у жены раньше не было. Запах был новым, незнакомым. Чужим, как сама жена. «Подарок, наверное», – темнея лицом, подумал Герасимов. Ему стало совсем тошно.

В долю секунды вялость улетучилась, закипая, он поднялся со стула и всю злость обрушил на дверку антресолей, да так, что изо всех швов на потолке и в стенах посыпался песок.

Вода в ванной перестала шуметь, дом насторожился.

Гнев иссяк, вялость вернулась, и Герасимову стало до омерзения противно самого себя.

Распустился, идиот.

Может, пока он будет ездить, все как-то утрясется? Они остынут, отдохнут друг от друга, Лилька поссорится со своим хахалем ... Или возьмет и образумится – случается же такое с некоторыми...

На самом деле, зачем им что-то менять? Жизнь прожита. Сейчас любые перемены возможны только в худшую сторону.

До поезда оставалось чуть больше двух часов, нужно было в темпе вальса варить яйца и курицу с пометкой «для жарки».

С остервенением засучивая рукава домашней ковбойки, Герасимов устремился на кухню.

На кухне Герасимов чувствовал себя в своей тарелке. Поставил варить яйца, отпилил от куриной тушки оба бедра и тоже поставил на огонь. Достал из холодильника банку с огурцами, обернул в тряпицу шмат сала, нарубил толстыми колечками «Краковской» колбаски, вытряхнул из коробка оставшиеся спички и насыпал в него соли. Несколько мгновений сомневался, стоит или не стоит травить попутчиков луковым запахом, и все-таки сунул в пакет тугой пучок зеленых перьев...

Глава 2

...В бывшую Людову, ныне Речьпосполиту Польску Михалина отбивала налегке. Все, что у нее было – новые джинсы и банковская карта, которую не сильно отягощали отпускные и скромная премия. Четки – и те забыла в спальне на постели. Вместе с бельем и парой туфель все уместилось в рюкзачке.

Дом Михалина оставляла с тяжелым сердцем: муж, Дмитрий Недобитюх, ее не провожал, он вообще перестал с ней разговаривать.

Пару месяцев назад Михалина не могла представить, что отважится на поездку. Фактически это был открытый бунт против мужа. Сказать по совести, Михалине было от чего взбунтоваться. Все двадцать лет брака она терпела измены, а перед самой Пасхой получила новое доказательство неверности Дмитрия.

Придя с работы, первое, что сделала Михалина в тот вечер – набила печь дровами.

Она торопилась проделать все до прихода мужа.

Дмитрию было глубоко плевать на экваториальное прошлое человечества, как и на то, что женщины мерзнут чаще мужчин – он считал это происками дарвинистов и феминисток.

Если жена топила печь, Митька демонстративно откры-

вал форточки и ворчал, что шелудивому поросяти и в Петров день зябко, что мало ей газ сжигать, так еще и дрова истребляет, опять устроила тропики... Причем жадность эта не поддавалась никакому объяснению, потому что дрова им доставались бесплатно – Митяй служил лесничим в лесхозе.

Наконец, дело дошло до растопки, и Михася не обнаружила коробок со спичками на привычном месте – на полочке рядом с дымоходом.

В надежде найти зажигалку или спички, она полезла по карманам мужниной одежды и, действительно, зажигалку нашла. Но не ее одну.

В кармане одной из курток с остатками подсолнечной шелухи, хвоинок и острых хлебных крошек Михася обнаружила сложенный в четыре раза тетрадный листок в клеточку – довольно свежий, судя по виду.

Неизвестно, какой текст она ожидала увидеть, но уж точно, не тот, что увидела: «Суслик все было просто зашибись. На столе бутирброды. Абажаю и целую куда захочу, твоя Цыпа», – было нацарапано на листке.

«Н-да, – с мелким самодовольством подумала Михася, – с грамотешкой у Цыпы недобор, академиев оне не оканчивали...».

Испытывая острое желание умыться, она сунула записку назад, к крошкам и семечкам, ополоснула прохладной водой лицо и долго рассматривала свое отражение в зеркале. Затем вернулась на кухню, старательно гоня от себя мысль, что

Суслик – это ее муж, и какая-то Цыпа целует его, куда захочет.

Мысль не прогонялась – напротив, свила себе гнездо в черепе.

Черт возьми. Что еще за Цыпа? Еще одна жертва дьявольского Митькиного обаяния?

«Если это и так, то что мы имеем?» – спрашивала себя Михася, и сама же себе отвечала. – Здоровое чувство брезгливости и нездоровое чувство зависти – вот, что мы имеем. После двадцати лет брака ты утратила желание целовать мужа куда-либо, кроме лба. Свят–свят–свят».

Примостив на печку мокрые сапоги, потрогала изразцовую стенку – та уже была живой.

Ужинала Михалина в одиночестве перед телевизором – Дмитрий явился ближе к девяти и был не в духе.

Вечер покотился по заведенному сценарию: уловив с порога печное тепло, супруг помрачнел, буркнул что-то вроде «деньгами топишь» и грязной рукой схватил со сковороды драник.

Михася отвернулась. Борьба была неравной.

После того, как сыновья выпорхнули из гнезда (оба сына учились и жили за границей – на исторической родине Дмитрия, в Запорожье), супруги старались обходиться без слов. За вечер обменялись несколькими фразами и разошлись, как какие-нибудь графья, по своим спальням.

Небо плевалось мокрым снегом, а печь исходила умиро-

творяющим теплом, и это примиряло Михалину даже с тем фактом, что Суслика опять взяли в аренду. Из чувства самосохранения ей хотелось только, чтобы арендаторша по имени Цыпа жила на другом краю географии.

Постояв под душем, Михася нырнула в постель, уместилась под одеялом, хотела почитать, но усталость прикинулась приятной тяжестью, скрученные в клубок мысли стали отрываться и поодиночке уноситься в космос.

Поздний звонок взметнулся в тишине, спугнул сон, Михалина спрыгнула с постели. В груди кольнуло. Сыновья? Или арендаторша?

Старая карга – тревога – сжала сердце в кулаке, как выпавшего из гнезда птенца.

Путаясь в рукавах халата, Михалина метнулась в прихожую, страстно желая, чтобы телефон не разбудил Митяя, схватила трубку и проскрипела:

– Алло?

– Минася! – На другом конце обнаружилась сестра Стефания.

Стефания была на три года старше. Ей повезло не встретить своего Митьку, съездить в командировку в Варшаву и прочитать в университете курс «сравнительное языковедение». Позже ей повезло остаться на кафедре в Варшавском университете, еще позже – выйти замуж, получить гражданство и очень удачно развестись, а Михалина...

А Михалина на кривой дорожке столкнулась с Митяем

Недобитюхом – без комментариев, как говорится.

– Минася! Привет! Ну, так что ты решила?

Все встало на свои места: в мае Стефе исполняется сорок, и она все уши прожужжала своим юбилеем.

– Да ничего я не решила, Стефа. До мая время еще есть, а там видно будет.

Тревога разжала натруженную, мозолистую ладонь, выпустила на свободу сердце, а сама скатилась по животу и улеглась на полу вокруг босых щиколоток. Михася аккуратно перешагнула через нее, забралась в чудовищное кресло с кожаными подлокотниками, подтянула колени и дернула свисающий с бра шнурок. Когда-то рыжий, а теперь лысый коврик, трюмо и шкаф с незакрывающимися дверцами вынырнули из темноты. Пока гнездилась, сестра успела перейти к эскалации:

– Там видно будет? Мне сейчас уже видно, что твой Недобитюх как был козлом, так им и остался, – заключила сестра. – Минась, я тебя в Европу зову, а не в Сибирь. Так и знай: если не приедешь, обижусь до конца жизни! Никаких отговорок не приму. Дети разъехались, а с козлом твоим ничегошеньки не случится за пару недель, вот увидишь, он еще спасибо скажет, – завершила выпад Стефания и обиженно умолкла.

Последнее заявление было настолько в яблочко, что Михалина хрюкнула.

– Даже слышать ничего не хочу, – активизировалась Стефа, услышав хрюканье и истолковав его по-своему. – Ты же

его просто развратила своим терпением. Дала себя закрепить, и он думает, что так и должно быть. Фигу ему. Не должно и не будет.

Почти не слушая сестру, Михася в очередной раз мысленно перебрала свои наряды. Не считая рабочую униформу (черную юбку, серые брюки и пять, по числу рабочих дней, блузок), гардероб уличал ее в полной и окончательной потере боеспособности. В таких нарядах дальше праздника урочая в районном центре показаться нельзя. А еще билеты в оба конца, а еще подарок... А хотя бы мизерный шопинг – Варшава все-таки...

Прикинув свои возможности, Михалина протолкнула сквозь стиснутое горло:

– Стефа, ты же знаешь, у меня денег нет.

– Я оплачу тебе дорогу, – самоотверженно пообещала сестра.

Даже если в заботе сестры преобладали собственнические инстинкты и желание подложить свинью Митьке, все равно это была забота.

– И не выдумывай ничего, а то знаю я тебя, – предупредила Стефания. – Навьючишься, как верблюд и припрешь сюда сушеные груши и чернослив. Умоляю: ничего не вези. Хранить мне негде, моль разводить только. Здесь все есть, если мне потребуется, куплю на рынке. Главный мой подарок – это ты, Мисюсик.

Ласковое «Мисюсик» было родом из детства, и отозвалось

в сердце Михалины болью. Неведомым образом Стефания уловила вибрации в трубке.

– Мы с тобой уже год не виделись,– вздохнула она,– и все из-за твоего Скруджа.

Дмитрий был известным сквалыгой. Именно он сделал Михалину фактически «невыездной». К бабке не ходи – отъезд жены Митяй расценит, как мятеж в рядах заговорщиков-Трацевских.

Стоило помянуть черта: в майке и в кальсонах, небритый, с примятым со сна лицом, разя все живое луковым перегаром, «козел» и «крепостник», шаркая драными шлепанцами, материализовался в дверном проеме. От предчувствия у Михалины заломило затылок.

«Сейчас начнется»,– пронеслось в голове. Дмитрий не переваривал Стефу так же преданно, как она не выносила его.

– Чего опять?– не заставил себя ждать супруг.– Чего ей надо? Опять суется в наши дела?– Острый нос, заспанные глазки и задиристый хохолок на макушке выражали готовность к склоке.

Михалина смерила супруга взглядом сверху вниз. Умела она смотреть сверху вниз, даже если смотрела снизу. «Суслик засушенный», – вот что было в этом взгляде.

Двадцать лет назад, едва взглянув на Митьку, мама предупредила:

– Испортишь породу.

Мама смирилась с наличием Митяя только после того, как

дочь родила двойню – до этого еще надеялась...

Митяй никогда не отличался богатырским сложением, а с годами стал похож на стручок острого перца. На жалком тельце выпирали только кадык и детородный орган, все остальное было исключительно впалым. Даже зад. При этом самомнение у Митяя потолки царапало. Наверное, на такой высоте его поддерживали те, кто «целует, куда захочет».

– Это кто там?– раздалось в трубке.– Никак твой козел бдит?

– У самой же мужика нет – кто ее выдержит, такую..., – Митька не постеснялся выразиться.

– Как у тебя терпения хватает? Я бы с таким придурком дня не прожила,– в тысячный раз заверила сестру Стефания. Михася не знала, кого слушать.

– Дешевка. Репатриантка. Пшечка. Пусть катится со своими подачками куда подальше,– размахивал совковой неподкупностью, как флагом, Митяй.

Перекрестный огонь достиг невероятной плотности, Михася почти впала в кому. Будь у нее хоть малейшая надежда, она бы ушла в партизаны и отсиживалась в лесных болотах до прихода «наших».

– Михася! – рывкнула сестра прямо в ухо, так что Михалина поморщилась. – За двадцать лет ты заслужила хотя бы один-единственный раз провести отпуск не на огороде! В конце концов, от всей семьи только мы и остались. Я жду тебя. Не вздумай испортить мне праздник, – пригрозила сест-

ра.

– Я постараюсь,– промямлила затурканная Михася.

– Никаких «постараюсь». Обещай.

– Обещаю,– только чтобы прекратить разговор, ответила

Михася.

Дать обещание было нелегко, а уж выполнить и того сложнее.

– Ну?– поторопил муж. Он ждал отчета о переговорах.

– Стефа обещает оплатить мне дорогу.

Известие было встречено настораживающим молчанием.

Михалина раскрыла шкаф, из глубин которого исходил крепкий запах махорки, и обозрела свой жалкий гардероб.

– Значит, поедешь к своей ляшке?– желчно поинтересовался супруг.

И тут Михасю охватила мгновенная, неизведанная, ни с чем несравнимая радость:

– Значит, поеду.

– Ну-ну.– Яд стекал с Митькиного языка и капал на когда-то рыжий коврик.– Давай-давай. Сколько волка не корми, он в лес смотрит.

– Мить,– вздохнула Михалина,– при чем здесь волки?

– Между прочим, мы это уже проходили.

– Что?– Мысли Михаси раздвоились – ее удручало состояние туалетов.

– Ополячивание и окатоличивание.

– Что? – Крайне удивленная, она вынырнула из-за дверки

шкафа и уставилась на мужа. Рот у нее так и остался открытым.

– Что слышала! – Недомерок воинственно скрестил безволосые тощие ручонки на впалом животе.

– Это Стефа меня, что ли, ополячит и окатоличит?

– Ну, со мной-то у нее этот номер не пройдет!

– На всякий случай: я уже католичка и полька, – с истинно шляхетским достоинством сообщила Михася, тщетно пытаюсь закрыть дверцы шкафа. Литературный вариант «полька» она использовала умышленно, но на Митьку образованность супруги впечатления не произвела.

– Ой-ей-ей, нашлась полячка, – с гнусной улыбочкой пропел он. – Скажи еще: шляхта!

Все двадцать лет Недобитюх при любом удобном случае тыкал Михалине в нос неподтвержденным – он так считал – шляхетством.

– Ты по-польски ни бельмес, и в костел-то ходишь раз в год по обещанию. – Беспристрастность в оценках и Митяй – понятия несовместимые, спорить с ним бесполезно.

Михася отпустила дверцы, и они со скрипом разъехались, образовав приличную щель.

– Ты вообще не ходишь в церковь, но остаешься православным. Или нет?

– Я? – По физиономии мужа скользнуло нечто, похожее на замешательство. – Нашла что сравнить! Я – совсем другое дело. Казаки ляхам не по зубам. Кишка у вас тонка.

Волосы на голове у Михалины зашевелились. Вот только межконфессиональных и межнациональных конфликтов для полного счастья в доме и не хватает!

А она еще посмеивалась над ксендзом Яцеком!

– Михалина, – тихо шелестел Яцек, – экуменизм – это хорошо, но еще лучше, чтобы вы с мужем были единоверцами. Может быть, тебе удастся убедить его принять католичество?

Когда Михася со всей возможной деликатностью довела до сведения Митьки предложение ксендза, тот обозвал Яцек-а иезуитским шпионом и прихвостнем ЦРУ, и выступил с пафосным заявлением: «Я приму католицизм в одном только случае: если Польша войдет в состав Украины».

– Вас на сто двадцать лет стерли с карты, и правильно сделали, – несло Митьку. – Всех поляков нужно было ассимилировать, а кто не желает обращаться в православие, того ссы- лать.

– Дурак, – коротко отозвалась жена. Оказывается, супруг рассчитывал ассимилировать ее, а она даже фамилию не сменила.

– Марина Мнишек, – процедил Митька в ее сторону. – А как же плантация?

Дмитрий намекал на огород.

Михалина тяготела к дизайну, но все ее попытки европеизировать участок натыкались на Митяя.

Ясное дело, супруг традиционно засеивал все тридцать со-

ток царицей всех культур – бульбой (кто не в курсе, бульба – это картошка) и любовался ими, как некоторые счастливицы – ландшафтным парком в английском стиле. Если бы не Михася, картофельная ботва украшала бы их участок от крылечка до межи. Она даже подозревала, что будь у Митьки такая возможность, он бы распахал и засеял бульбой все бывшие земли Великого Княжества Литовского и Королевства Польского в границах Люблинской унии.

Палисадник и две клумбы у крыльца Михасе удалось отстоять, но сам факт присутствия бесполезной фауны на огороде разрывал Митяю сердце.

– Весь огород цветами загадила, – плевался во все стороны он. – У всех жены, как жены, а у меня недоразумение. – «Загадила» – эвфемизм, супруг предпочитал другие выражения.

В ответ на грубость Михася помалкивала и ждала, когда красота спасет мир. Не может же человек вечно оставаться равнодушным к прекрасному. С непонятно откуда взявшейся твердостью (наверное, виной тому была Цыпа) она ответила:

– И ты, и огород – вы оба потерпите.

Уже через сутки домашняя ситуация обострилась.

Поставив перед Митяем ужин, Михася ушла в «залу», как называл большую комнату Митяй в припадке местечкового патриотизма, включила телевизор и попыталась погрузиться в вяло текущий детектив, но так и не вникла в происходящее на экране.

Перебирала в памяти разговор со Стефой, потом мысли переключилась на деньги. У кого она еще не одалживалась?

Митяй хлопнул дверью, она обратила к супругу лицо, подняла одну бровь. Только веская причина могла привести супруга после ужина в «залу» – новости или футбол он всегда смотрел на кухне.

– Так ты на самом деле решила ехать?

– Мить, – примирительно откликнулась Михася, – а кто бы на моем месте отказался от поездки? Все-таки Стефа моя сестра.

– А я – муж!

– Но я ж не навсегда уезжаю.

– Навсегда – не навсегда. Какая разница?

– Мить! – Михалина сделала еще одну попытку образумить супруга. – Стефа обидится, если я не приеду. У нее круглая дата.

– Давай, давай, слушай эту лахудру. Что она нам х-хорошего сделала? – когда Митяй злился, у него проявлялся логоневроз. – Ведь спе-специально клинья между нами вбивает, спе-специально ссорит. Спит и видит, как развести нас.

Митька почти Маяковский: говорит «мы», подразумевает – «я».

– Скажи еще, специально день рождения себе выдумала.

– Не удивлюсь. Ей же делать не-нечего, вот она от скуки и при-придумывает, как нам напакостить! Стерва, сучка, тьфу, – злобно выплюнул супруг.

– Ну, разумеется,– не сдержалась Михася.– Стерва и сучка, потому что деньги мне дает, а не тебе.

– Что-что!?!– живо отреагировал супруг.– Деньги? Эти подачки ты называешь деньгами?

Михалина прошила мужа острым взглядом. Откуда Митяй знает, о каких суммах идет речь?

– Спасибо лучше бы сказал,– устало заметила она.– И вообще, что это ты так разошелся? Что такое случится, если я съезжу на пару недель?

Лучше бы она не упоминала о сроках.

Митька побледнел, потом пошел пятнами, потом побагровел:

– Две недели?!

– Да, две недели,– с отчаянной храбростью подтвердила Михася.– Что же я поеду на два дня? Неизвестно, когда еще доведется. Посмотрю город и в Краков, может быть, съездим.

– Хренаков тебе, а не Краков!– перешел на фальцет Митька.– Твой долг быть при муже! Все. Хватит с меня. На-натерпелся. Если ты уедешь, ты мне больше не жена. Горшок об горшок и разбежимся.– Зацелованный чужой Цыпой Суслик непримиримо вздернул подбородок с пробивающейся рыжеватой щетиной.

Наглость Митяя была все рекорды и могла соперничать только с его нечистоплотностью (нравственной и физической), но Михася не хотела разрыва. В сорок лет пополнить армию разведенков? Нет уж, спасибо.

– Если на сегодня у тебя все, я пойду спать?

Вопрос был праздным – Михася отлично знала: сейчас супруг разогреется, как спортсмен на тренировке, и возьмет вес.

Дмитрий не разочаровал:

– Всю жизнь поражаюсь! – сделал признание супруг.– У самих за душой ни шиша, зад голый, а воображают себя пупами земли.

Это было уже слишком. Митяй пришел на все готовое. Дом с участком – бабушкино наследство. Михася хотела напомнить супругу об этом, но промолчала.

– Достала своим выпендрежем. Шляхта, блин. Даже яйца сырые едите, чтоб дерьмо было с глянцем. Думал из тебя человека сделать, только сам опаскудился.– Пламенный спич супруг завершил «большим петровским загибом».

Гордая шляхетская кровь ударила Михасе в голову, она вскочила с дивана.

– Пса крев,– выдохнула в лицо Суслику и вылетела из «залы».

Оказавшись за дверью своей спальни, обнаружила, что ее трясет. Руки противно дрожали, сердце выскакивало из груди.

Пса крев. Двадцать лет брака летели псу под хвост.

Михася рухнула на постель и невидящим взором уставилась в потолок. Нужно было успокоиться и все обдумать.

В руках у Михалины оказались четки, губы привычно за-

шептали молитвы из Розария Богородицы.

Буря в душе постепенно улеглась.

Вопрос первый: серьезно Митька сказал о разводе или так, для профилактики?

Если серьезно, то Стефания – тот человек, который ей сейчас нужен, чтобы не умереть от горя.

А если он это сказал от злости, то пока она будет проветриваться в поездке, они оба остынут, отдохнут друг от друга и посмотрят на все под другим углом.

Интересно, под каким углом можно посмотреть на Суслика и его Цыпу? Тут проветривайся – не проветривайся...

Значит, она остается...

Все-таки как было бы хорошо отправиться в Варшаву, побродить по старому городу, поймать на себе хотя бы единственный мужской взгляд и почувствовать себя молодой и интересной...

Идея была такой заманчивой, что доводы разума умолкли. В конце концов, «тварь она дрожащая или право имеет?».

Деньги в семье были у каждого свои, общих не было.

Митяй аргументировал это тем, что ему приходится учить сыновей, но Михася знала, что Броня с Алесем при первой возможности подрабатывают. К тому же особенно чадолюбивым отцом Митяй никогда не был. Несколько раз сводил наследников в походы – на этом его фантазия иссякла. В то, что Митяй балует сыновей, Михася не верила. Скорее, на своих шлюх потратит, чем на детей.

Так или иначе, под контролем Митяя она вела хозяйство на свои кровные и еще выслушивала лекции о расточительности, как об одном из библейских грехов.

В этом вопросе Дмитрий был истово верующим человеком: он верил, что бережливость – это главная женская добродетель.

Глава 3

... Еще до того, как она вошла в купе, Герасимов почувствовал неосознанное волнение.

Он напряг слух.

В узком проходе вагона толпились пассажиры, кто-то кого-то просил убрать багаж, кто-то -спрашивал, сколько ехать до границы. Проводница отдавала короткие команды, в тонкие перегородки бились тяжелые сумки, с глухим рокотом откатывались купейные двери.

Высокая и худенькая, как девочка, в купе заглянула женщина средних лет.

– Здравствуйте, – смущенно поздоровалась она и поискала глазами номера над полками.

Смущением и детской полуулыбкой женщина навевала стершиеся из памяти светлые женские образы: Татьяны Лариной, например, Софьи Фамусовой и Натальи Ростовой... И мамы...

Забыв о приличиях, статусе, возрасте и сопутствующих неприятностях, таких, как бессонница, артрит и супружеская неверность, Герасимов силился и не мог оторвать глаз от строгого лица, вокруг которого парили завитки светлых волос, беспощадно стянутых на затылке в хвост.

Каждое движение незнакомки, каждый наклон, поворот головы доставляли Герасимову эстетическое наслаждение.

Он не мог понять природу этой притягательности, и мучительно искал разгадку. На слово «сексуальность» у Герасимова была идиосинкразия, но именно оно, это ненавистное слово настойчиво лезло в голову.

Поезд чуть заметно тронулся, вместе с составом тронулись мозги.

Перед мысленным взором Герасимова незнакомка вдруг престала обнаженной, с распущенными волосами...

Видение застало Герасимова врасплох и вызвало кратковременную, как у больных с диагнозом «мерцающая аритмия», остановку сердца. Дыхание у несчастного сбилось, и понадобилось несколько минут, чтобы его восстановить. Не спасли даже две пуговицы у горла, расстегнутые дрожащей рукой.

Герасимов впал в тихую панику. Что это с ним? Кризис среднего возраста? Откуда?

Он, умудренный, битый жизнью и знающий себе цену мужик, а ведет себя, как... Как недоумок...

Никто, к счастью, не заметил его состояния.

Очаровывая обеих попутчиц, Борис, как обычно, захлопал крыльями, распустил хвост, и Герасимов надежно спрятался в их благословенной тени.

До конца поездки делал все, чтобы не привлекать к себе внимания, но украдкой, как школяр, подсматривал за попутчицей, у которой ко всему оказалось божественное – иначе просто не могло быть – имя. Михалина. Михася.

Имя давало волю воображению. Можно было придумать массу вариантов на его тему, чем Герасимов и увлекся, когда все подались в буфет или ресторан (Герасимов не запомнил), и он остался в купе один.

Он грыз куриную ножку, с озорством шестиклассника поглядывал на болтающийся на крючке кожаный рюкзак, мгновенно причисленный к фетишам, и выкраивал из восьми букв – считал на пальцах! – новые и новые имена: Мишуся-Шуся. Михалька-Милька-Алька. Мишель. Мишелька-вермишелька.

Это была игра, похожая на игру в города, в которых не судьба побывать...

Глава 4

...Стоило покинуть зону обитания Недобитюха, как в Михалине стали происходить какие-то глубинные изменения.

Сначала вернулась девичья мечтательность.

«О, Варшава, – думала Михася, трясясь в электричке, – этот полугород-полусирена! Плац Трех Крестов, аллеи, прятничный левый берег Вислы...».

Голова сладко кружилась.

Поезд, перрон, терпкий запах лопающихся почек и талой воды усугубили ее состояние. Не говоря о попутчиках...

Вместе с нею в купе оказалась загорелая крашенная девица лет двадцати пяти, немного дерганая, с полным ртом жвачки. Довольно высокий, сухой, коротко остриженный субъект чуть за сорок, с хищным носом и со странным взглядом миндалевидных, карих глаз. Настоящий бедуин.

Третьим был умопомрачительный, изысканный господин в очочках, примерно одного возраста с Михалиной, тоже высокий, ироничный, с магнатскими усиками «а-ля Валенса». Правда, усики плохо вязались с Евросоюзом, но в целом мужчина произвел на Михасю сильное впечатление, хотя, это вполне мог быть синдром Недобитюха.

Тем не менее, метаморфозы продолжались: Михася распрямилась в полный рост.

– Борис, – представился господин, едва хлопоты, связан-

ные с проверкой билетов и раздачей постельных принадлежностей, улеглись.— Журналист, публицист, краевед.— В руке у Михалины оказалась визитка: «Чарнецкий Борис»,— лаконично, как на надгробии, значилось на ней с той лишь разницей, что к имени прилагался номер мобильного.

Девиде Чарнецкий тоже зачем-то всучил визитку. Та лениво взяла ее двумя пальцами с накладными, зловеще загнутыми когтями, и положила на столик.

Поглаживая пальцами бархатную визитку, Михася приосанилась: все-таки как это важно, когда тебя окружают образованные, культурные люди.

— Это мой коллега и лучший друг Платон Фархатович Герасимов,— представил Чарнецкий насупленного стриженного субъекта, расположившегося напротив.

— Михалина,— она кивнула со сдержанным достоинством. О том, что подвизается в районном печатном органе по неведомой причине умолчала — хвастать было нечем. Всего лишь провинциальная журналисточка, редактор провинциальной газетенки, которых пруд пруди.

— С частным визитом?

— Да,— розовея, растянула губы в улыбке Михася.— К сестре еду. А вы?

— По приглашению польских коллег едем на конференцию по Катыни и на майские праздники. Заодно. Приятное с полезным совмещаем.— Борис поправил очки и улыбнулся, от чего у Михалины, как писали в романах, стеснило грудь.

Она прислушалась к ощущениям. Что делается! Не прошло и трех часов, как из дома... Удачное начало, ничего не скажешь.

– Уже бывали в Варшаве?– полюбопытствовал господин Чарнецкий.

Подарок сестры – альбом с фотографиями Варшавы – был настольной книгой Михалины, поэтому она почти не сохла:

– Да.

Михалине было страсть, как интересно, за каким несет в Речьпосполиту крашеную выдру, но мужчины не задали девице ни одного вопроса, как будто она принадлежала к касте неприкасаемых. Как будто достаточно быть двадцатипятилетней дивой с волосами цвета красного дерева, чтобы все вопросы отпадали сами собой. Это задело Михалину. Из-за дерганой девицы ей даже снова захотелось стать ниже ростом.

Через пять минут были окончательно расставлены акценты: Чарнецкий не скрывал интереса к девице, которая отзывалась на имя Катя, а его стриженный коллега упорно хранил молчание и держал дистанцию.

Михасе внезапно стало легко. Досада улеглась: разве она не сыта по горло Недобитюхом? Ну и что, что красота и молодость прошли? Зато у нее теперь есть нечто гораздо более ценное: сыновья, вера в Бога, ясность мировоззрения, мудрость. И бесстрашие. Вот ее военное преимущество. Жен-

щина ее лет – настоящая твердыня, способная противиться искушениям. И как приятно находиться на скамье запасных и наблюдать за игрой других! Особенно – за тонкой.

– Я в вагон-ресторан. – Чертова кукла поднялась и, не оглядываясь, подалась из купе.

– Отличная идея, – воодушевился Борис. – Ты как насчет ужина в ресторане, Платон Фархатович?

– Нет-нет, спасибо, – покачал головой его угрюмый друг. – У меня все с собой. – Голос у Платона Фархатовича оказался низким и густым.

Услышав это «все с собой», Михася затосковала.

Сейчас стриженный бедуин разложит на столике заботливо собранные любящей супругой в дорогу яйца, куриную ножку, соленый огурчик, в тряпицу обернутое сало, нарезанную кольцами копченую колбаску, соль в спичечном коробке и тугой пучок зеленого лука. Пригласит разделить трапезу – на него это похоже. Ей придется приобщить свою скромную долю – яблоко, банан и апельсин...

– Михалина, а вы не желаете в ресторан? – публицист задержался у выхода, скользнул равнодушным взглядом.

Тратиться на ужин в вагоне-ресторане совершенно не входило в планы Михалины, но она представила, как станет делить трапезу с Платоном Фархатовичем, и вынужденно промямлила:

– Пожалуй. Только руки вымою.

Безусловно, ее отказ господину Чарнецкому понравился

бы куда больше, чем согласие. Михася даже посочувствовала ему: куда он ее денет в ресторане, ведь он сделал ставку на дерганую бестию?

– Я вас подожду,– Чарнецкий вежливо улыбнулся. Под магнатскими усиками просматривался крупный чувственный рот, и Михалина отвела глаза. Вера, ясность мировоззрения, мудрость и бесстрашие – вот столпы ее морали...

Глава 5

... К тому времени, как Михалина с Чарнецким появились в вагоне-ресторане, Катька уже уписывала салат из грибов и говяжьего языка и делала вид, что пустая рюмка (явно из-под водки) никакого отношения к ней не имеет. Завидев соседей по купе, она помахала когтистой лапкой, как давним знакомым.

– Есть хочу, не могу,– доверительно сообщила она, как только Чарнецкий, пропустив Михасю к окну, расположился на диванчике.– С утра во рту ни крошки.

– Вы, наверное, на рынке работаете?– придав голосу сочувствие, спросила Михалина.

Спросила из вредности, рассчитывая открыть господину Чарнецкому глаза на их соседку.

– Да,– неохотно открыла карты Катька.– Челночничаяю.

Михалина бросила торжествующий взгляд на Чарнецкого. Публицист не поддался на ухищрения:

– Никогда бы не подумал,– со сладкой улыбкой молвил он. Тут подошла официантка, и разговор перекинулся на еду. Скрепя сердце Михася заказала бокал красного и такой же, как у Катьки, салат – с языком и грибами. Публицист попросил сто пятьдесят коньяка, оливки и мясо с картофелем фри, а Катька – двести водки и оливье.

Путешествие продолжалось.

Первыми официантка принесла, как водится, выпивку и оливки. Подождав, пока девушка расставит все в соответствии с пожеланиями, Чарнецкий произнес тост:

– Дорогие дамы, я путешественник со стажем, и у меня есть примета: если везет с попутчиками – повезет в поездке. Мне повезло оказаться в столь приятном обществе (публицист каждую осчастливил улыбкой), так что я теперь не сомневаюсь: командировка получится незабываемой, может быть, даже потрясающей. Выпьем за удачное начало. Оно, как известно, всему голова.

Лет двадцать назад Михалина, пожалуй, поверила бы в примету Чарнецкого, но сейчас она ничего, кроме скепсиса не вызвала. «Нельзя так долго жить», – сказала себе Михася.

К тому же пока она тут шикаует на последние, Суслика целуют «куда захотят» – не очень романтический фон для путешествий.

– Угощайтесь, – Чарнецкий подвинул оливки на середину столика.

Михася сделала экономный глоток вина, а Чарнецкий с Катькой хлопнули по пятьдесят.

Жеманно отставив мизинец, девица двумя пальцами взяла оливку и поставила локти на край столика. Наглые глазенки утюжили господина публициста.

В Михалине тут же подняла голову обманутая жена. С неприязнью глядя на девушку, она вдруг уверовала, что Митя соблазнила вот такая же шельма.

Михалина тихонько вздохнула о забытых четках.

Чарнецкий смотрел на Катькины экзерсисы мужским тяжелым взглядом в упор, в лице проступило что-то животное...

– Ну, рассказывайте,– потребовала шельма.

– Что бы вы хотели услышать?– прохрипел публицист.

– О чем вы пишете?– Катька, дрянь, поводила оливкой по нижней губе, потом по верхней, потом лизнула ее, потом принялась посасывать...

Краевед разволновался.

Катька и Борис сидели друг напротив друга, и не требовалось большого ума или изошренного воображения, чтобы представить, как Катькины колени легонько касаются колен публициста. Или оказались между ними... А может, Катькина ступня с педикюром уже обвилась вокруг brutальной волосатой лодыжки...

Михася не знала, куда деваться. Она бы поднялась и ушла, и эти двое даже не заметили бы ее исчезновения. А если и заметили, не испытали бы по этому поводу никакого раскаяния. Но выход загоразживал публицист... Михалине стало обидно.

Обида и – главное! – нетронутый салат придали ей решимости.

Ну, уж нет.

В отместку попыталась проделать с оливкой тот же фокус, но подлая оливка выскользнула из пальцев и укатилась,

причем все стали заглядывать под стол, будто собирались достать ее и вернуть Михалине на тарелку.

– Я пишу на исторические темы.– Поправив очочки, публицист кашлянул в кулак.– Увлекаюсь краеведением. В общем, дамам это не интересно.

– Вам не везет с женщинами?– тоном злобной фурии поинтересовалась Михалина.

Чертова кукла ехидно прыснула, а Чарнецкий, напустив на себя простодушный вид, сознался:

– Я женат в третий раз – не знаю, это везение или неудача? Катька залилась визгливым смехом, и Михася со свирепым видом переключилась на нее:

– А вы, Катя, замужем?

Бестия оказалась прирожденной соблазнительницей.

– А давайте выпьем,– ловко ушла от ответа она.

Возражений предложение не встретило, Борис налил себе и Катке, все подняли бокалы и выпили за успешное продолжение путешествия. Сделав глоток, Михалина повторила вопрос:

– Так что, Катя, вы замужем?

– До чего ж ты любопытная! – после второй Катька отбросила церемонии.

– С кем поведешься. – О сладостном бесстрастии Михалина благополучно забыла. Катьку она уже тихо ненавидела.

– Ты похожа на мою мамашку.

Обмен любезностями был прерван появлением офици-

антки с закусками. За столом произошло понятное оживление, и это дало Михалине фору. С ответом она нашлась, только когда официантка отошла:

– Слава богу, у меня нет дочери.

– У тебя сын? – Не дожидаясь тоста, Катька опрокинула очередные наркомовские. Ее развозило на глазах.

– Два сына, – буркнула Михася и принялась за салат.

– Да вы что? Никогда бы не подумал! – воскликнул Чарнецкий, и Михася сразу же все простила журналисту.

– Да ладно, Борюсик. – Язык у Катьки уже слегка заплетался. – У нее же на лбу написано: мать и верная жена. Брак – один на всю жизнь, дети – смысл жизни. Ни одной интрижки, ни одного поцелуя на стороне. Пояс верности на тебе?

Михалина слушала и ощущала, как кровь приливает к голове. Пальцы нервно обвилились вокруг ножки бокала. Выпить вино или выплеснуть нахалке в физиономию, – колебалась она.

– Завидуешь? – Михасе удалось сдержаться. Она сделала еще один глоток, уже не такой экономный.

– Девочки, – расстроился краевед-публицист. – Ну, зачем же вы так? Женщин должно быть много и разных. Одному одни нравятся, другому другие.

– Да ради бога, – противно ухмыльнулась бестия. – Просто от нее скукой разит, как от нашего сантехника пивом: за версту.

– Интересно. А вам какие нравятся? – Михалина повер-

нула лицо к Чарнецкому, натолкнулась на снисходительный взгляд и почувствовала себя серой, провинциальной, стареющей дурой. Она уже жалела о том, что пошла в ресторан. Лучше бы осталась в купе со стриженным бедуином.

– Признаюсь, я не однолюб, и идеальным мужем меня назвать нельзя,– с подкупающей самоиронией сообщил господин Чарнецкий.– И в разном возрасте мне нравились разные женщины. В юности – такие, на которых можно положиться: серьезные, ответственные, домовитые. Такие, как вы,– господин Чарнецкий изобразил легкий поклон в сторону Михалины. –Потом...

– Потом такие, как я,– ввернула Катька.

– Да,– не стал запыряться Чарнецкий.– Вы угадали. Вторая моя жена была на вас похожа. Такая же отчаянная любительница ресторанов и компаний.

– А третья?– раздраженно спросила Михалина.

– А третья...

Чарнецкий не успел завершить сравнительную характеристику жен – у Катьки зазвонил телефон.

– Да? – Видно было, что звонок не доставил удовольствия бестии. Она отложила вилку и поднялась с места, но тут же плюхнулась обратно.

Со второй попытки выдре удалось встать, и, пошатываясь, она удалилась в тамбур.

Оставшись вдвоем с Чарнецким, Михася поняла, насколько же одичала за Небитюхом!

Проведя в браке двадцать лет, она совершенно разучилась вести себя в обществе посторонних мужчин. Ее сковало напряжение, она не знала, о чем говорить, как сесть, куда девать руки. Секунды превращались в минуты, а она не могла заставить себя оторвать взгляд от окна. Это было смешно. Окно занавесила тьма египетская.

Глядя на проносившиеся в отдалении редкие огоньки, Михася вспомнила дом, свою семью.

Неожиданно на ум пришло сравнение с маминым прадедом, бежавшим с пересылки в Сибири, и необыкновенное чувство освобождения охватило ее, и даже мелькнула шальная мысль: побегу у них, Трацевских, в крови.

Страшно – да, было, но еще сильнее страха было любопытство. Что там, за колючей проволокой?

Изменения приобретали лавинообразный характер: Михалина не заметила, как осушила бокал.

Минуту назад развод представлялся ей черным пятном на биографии, убийственной процедурой, придуманной фарисеями и чернокнижниками как месть за Евин грех. И вдруг в вагоне-ресторане, уносящем ее на запад, под стук колес, после бокала вина слово заиграло совсем иными красками, совсем...

Страх и любопытство – не эти ли чувства испытывала Ева перед грехопадением? Конечно, мужчины свалили всю вину на прародительницу, но Адам! Адам ведь мог и отказаться! Может, в этом и состоит истинное предназначение женщины

– проверять мужчин на вшивость?

Михалина поняла, что улыбается.

Глава 6

...– Михалина, – позвал Чарнецкий, – вы где?

Михася перевела непонимающий взгляд на собеседника.

– Что?

– Замечтались?

– Да, немного, – смутилась Михася.

– Можно я угощу вас?

– Нет-нет, что вы, мне хватит, – не очень убедительно отказалась она.

– Ну, не могу же я пить один, – посмеиваясь в усы, объяснил Борис. – Мне нужен компаньон. Всего бокал вина, да? Вы позволите?

В голове у Михаси, как стая ворон, взметнулись вопросы: что такое? Зачем? Как это будет выглядеть? Вдруг он подумает, что она алкоголичка? Как себя вести с мужчиной, который угостил тебя вином? Прилично ли замужней женщине пить со случайным знакомым? Все-таки она католичка, что бы по этому поводу ни говорил Митяй...

– Михалина, это всего лишь бокал вина.

Матка Боска. Да над ней, непроходимой деревенщиной, уже открыто смеются! Сначала Катька, теперь Борис.

Пока она лихорадочно искала достойный ответ, попутчик подозвал официантку и сделал заказ.

Михалине ничего не оставалось, как принять дары данай-

цев.

Тамадой Чарнецкий был средней руки, тосты отличались редким однообразием, и они в очередной раз выпили за удачное путешествие. Причем внимание Михалины привлек тот факт, что Чарнецкий до дна пить не стал, и ей это понравилось. Митька бы махнул все сразу, будь у него хоть стакан.

– А чем занимается ваш коллега? Почему он такой неприступный?– чтобы не молчать, спросила Михалина.

Чарнецкий посмотрел на нее искоса:

– Платон? Платон у нас любитель старины. Кроме того, у него неприятности в семье, он разводится,– Чарнецкий промокнул рот салфеткой.– А для него это настоящая катастрофа. В отличие от меня, Платон Фархатович очень дорожит семьей. Думает, что разбитая семейная лодка – это разбитая жизнь.

– Тогда почему он разводится?

– Жена ему изменила.

– Он застал ее с другим?

– Нет. Она сама ему все разболтала,– с плохо маскируемым презрением произнес Чарнецкий.– Сама! Не могла носить в себе эту новость. Сдержанность – не ее удел.

Михалина не приняла тона своего собеседника.

– Наверное, ей надоело врать.– Помимо воли, в голосе прозвучала горечь.

Припав к бокалу, она сделала жадный глоток.

Борис вдруг придвинулся к спутнице:

– А теперь скажите, – он тронул ее за локоть, – это все правда – все, что наплела тут о вас Катерина?

Михася едва не подавилась.

Повернула к Чарнецкому пылающее лицо, намереваясь поставить наглеца на место, но слова не шли с языка. С каждой секундой она чувствовала себя все глупее.

Выражение глаз Чарнецкого поймать не удавалось из-за очков, но Михалину ужасно смущали выбритые до синевы скулы, аккуратно постриженные усы и губы, о которых она почему-то знала точно, что они окаянные.

Пришлось признать, что ее нравственность оказалась на поверку не такой уж незыблемой. А, может, ее, нравственности, вовсе не существовало? Может, это был все тот же эффект Недобитюха, который она принимала за нравственность?

Неприятно удивленная открытием, Михася впала в задумчивость, и публицист решил ей помочь:

– Про верную жену, единственный брак и смысл жизни – это правда?

Поезд нес Михалину в Варшаву, она сидела в вагоне-ресторане, ее попутчиком был публицист-журналист-краевед и просто красавец, в крови бродило рубиновое Мысхако ... Назовите хотя бы одного человека, кто бы в таких обстоятельствах сказал о себе правду? Не считая Мюнхгаузена.

Вот и она...

Михалине неудержимо захотелось ответить Чарнецкому,

что она тоже третий раз замужем, или что она нимфоманка. Или что ее любовнику тридцать лет. А еще лучше – двадцать.

Не удивительно, что она сама не поняла, как в одно мгновение упразднила двадцатилетний брак и разделалась с Недобитюхом:

– Я разведена. У меня был друг, но мы расстались недавно.

– Давно развелись?– Чарнецкий скосил глаз на безымянный палец правой руки собеседницы. Кольца на нем не было! Ха! Она же католичка!

Чувствуя преступную безнаказанность, Михася продолжала с упоением:

– Да, давно! Привыкла, знаете, жить одна. Сама себе хозяйка. С кем захотела, с тем встретилась, не захотела – протислась. Не люблю обязательств.

Это уже были не просто метаморфозы – это попахивало деформацией личности. Из добропорядочной матери семейства Михалина Трацевская стремительно превращалась в лгунью и искательницу приключений.

Так, дорогая, тебе достаточно. Михася с опаской оставила рубиновый бокал.

К чести Михалины, состояние опьянения ей никогда не нравилось. Тут они с Митяем опять кардинально расходились во взглядах. Он искренне недоумевал: «А зачем тогда вообще пить?».

Состав в этот момент сильно дернулся, вагон-ресторан

тряхнуло, посуда угрожающе звякнула.

Михася придержала бокал с вином и не заметила, как оказалась зажатой между Чарнецким и ножкой столика. В считанные секунды все ее мысли и все чувства сосредоточились на ноге, к которой прижималось мужское бедро.

Борис не торопился отодвинуться. Смущению Михалины не было предела.

Она подняла глаза и поняла, что поезд несет ее не в Варшаву – нет. Поезд несет ее напрямик в геенну огненную.

Свиета Мария!

Куда делось ее хваленое, сладостное бесстрашие, которым она втайне гордилась?

Чувствуя себя совершенно беспомощной перед мошенником, который ловко прикидывается журналистом, Михася ждала Катьку, как ангела-хранителя.

– Вы совсем не искушены, – завершил наблюдение публицист.

– А вы развращены женским вниманием, – огрызнулась она.

– Это же классика: мужчина должен быть развращенным, а женщина – неискушенной.

– Все хорошо в меру. И даже в классике вариантов значительно больше. Взять хотя бы вас и Катерину.

– Да, – с хмельной бесшабашностью согласился Борис, – Катька та еще штучка. Я уже стар для таких акул.

– Неужели? – С языка просилась какая-нибудь гадость. В

этот момент Катька материализовалась у столика, спирировала на диванчик, чуть не сдернув скатерть со всем, что на ней стояло, и небрежно бросила:

– Борюсик, налейте-ка мне.

Господин Чарнецкий только хвостиком не завилял.

Пса крев! Со дна католической души Михаси поднялась и затопила рассудок заурядная, пошлая, совершенно не христианская ревность: как этой кукле удастся манипулировать симпатягой-публицистом? В ней же только и достоинств, что молодость. Где глаза у него?

– Так на чем мы остановились?– Катька, не морщась, опрокинула последние пятьдесят и закусила остатками оливье.

– Ты интересовалась третьим браком Бориса,– любезно подсказала Михалина.

Подсказка была с душком. Это была попытка загрести жар чужими руками. «Гонар і годнасць» не позволяли Михалине задавать Чарнецкому вопросы, а крашеной выдре все с рук сойдет.

– А! Да! Ну, так как? – Катька попыталась придать пьяному взгляду серьезное выражение.

Борис пожал плечами:

– Моей третьей жене двадцать три.

– Ух, ты какой! – Катька погрозила Борису пальцем.

– Вот такой отчаянный я парень,– без тени самодовольства, скорее с тихой печалью констатировал Чарнецкий.

Катька икнула, потом другой раз.

– А тебе сколько?– выговорила она, содрогаясь от спазмов.– Не боишься, ик, оставлять ее без присмотра, ик?

– Я старше жены на восемнадцать лет. Конечно, она развлекается, но это вполне невинные развлечения,– с самоуверенностью мужчины, у которого нет проблем с потенцией, заявил Борис.– К тому же она может это сделать в любое время, не только в мое отсутствие. Я не слежу за женой.

– А зря.– Катька присосалась к соку, но только оторвалась от стакана, снова икнула.– А ты не боишься оставлять своего мужа?– Пьяный взгляд переместился на Михалину.

– Вдохни,– посоветовала та,– и не дыши.– Другого способа заткнуть бестию не было.

– Как на рентгене?

– Да, как на рентгене.

Раздув щеки, Катька набрала в легкие воздуха и стала похожа на себя в детстве.

– Я ничего нового не скажу, это общеизвестный факт: для некоторых измена – как спорт,– разглагольствовал Чарнецкий.– Если есть препятствие, его нужно преодолеть. Чем больше препятствий, тем азартней игра. Я не хочу быть для жены препятствием, поэтому у нас свободные отношения.

– Но это же самообман!– с непонятной ей самой горячностью возразила Михася.– Это означает, что вам безразличен человек.

Опыт. Собственный опыт выдал ее с головой.

– О-о,– выдохнула Катька,– это от неуверенности. Самообман считать, что ревность – это любовь. Ревность – это эгоизм и самолюбие.

Ну, конечно! Теперь рыночная торговка будет читать ей проповедь – Михалине с трудом удалось подавить раздражение.

– Вот-вот,– поддакнул публицист,– совершенно с тобой согласен. С вами.

– Да ладно тебе,– Катька поморщилась. Икать она, наконец, перестала.– Мы уже почти в Польше, так что зови меня Катарина.

– Договорились. Что? – обратился Борис к притихшей Михалине.– Еще вина?

Момент был подходящим. Повторять заказ Михася не собиралась, слушать пошлый треп было противно, еще противней было осознавать, что Катька, зарабатывая очки перед публицистом, своими бестактными замечаниями глубоко задела ее.

– Нет-нет, все.– Михалина оглянулась в поисках официантки, и подозвала ее, намереваясь расплатиться и отправиться в купе, но совершенно неожиданно Борис воспротивился:

– Михалина, подождите, – с мягкой настойчивостью попросил он.– Не разбивайте компанию, через полтора часа граница, так или иначе нам придется покинуть это чудное место.– Сквозь линзы очочков проглядывал просительный

взгляд.

– Нет-нет, – сухо повторила Михася, – мне пора, а вы оставайтесь, тем более, что у вас есть, о чем поговорить, как я вижу.

«Дура», – мысленно простонала она, ожидая, что Катька сейчас же оттянется на ее счет. К счастью, чертова кукла пропустила реплику.

Зато Борис, кажется, с готовностью подхватил эстафету. Он даже не подумал выпустить Михасю из загона у окошка, а подошедшей официантке были заказаны вино и маслины.

– Я что-то не поняла, – Катька соображала туго, но еще соображала. – Ты с ней или со мной?

– Никак не могу выбрать. – Борис отослал девице ослепительную улыбку.

Катька взвизгнула (это она так смеялась), а Михасю бросило в жар.

– Выпустите меня, – проблеяла она.

– Простите, Михалина, – Борис с силой сжал ей руку под столом. – Обещаю: больше у вас не будет повода сердиться на меня.

Высвободив руку, Михалина с независимым видом отвернулась к непроницаемому окну. Ей ничего не оставалось, как рассматривать свое отражение в стекле: голову в барашках светлых колец, высокий лоб, под ним черные провалы глазниц и худощавое скуластое лицо с прямым носом.

– Выпусти ее, – слышался противный – противнее неку-

да – Катькин голос. – Ей пора, сейчас ее остановка.

Намек был более чем прозрачным.

Михалина решительно повернулась и, опустив глаза, ждала, когда Чарнецкий освободит выход. Ладонь Бориса снова сжала ей пальцы.

Не выпуская Михалину, публицист-краевед наклонился к Катьке через стол и тоном, которым говорят с расшалившимся ребенком, произнес:

– Катарина, тебе уже хватит.

– Все. Беру тайм-аут, – неожиданно объявила бестия. – Мне нужно проветриться.

Михася вскинула на нее глаза. Все ясно. Выдре стало плохо. Ничего удивительного – почти без закуски хлопнуть стакан водки...

Ксендз Яцек мог бы гордиться Михалиной: чувство мстительной радости в ее душе вспыхнуло и погасло, уступив место состраданию. Она участливо предложила:

– Тебя проводить?

– Не пошла бы ты. – Катька вцепилась загнутыми когтями в край стола и снялась с места. За ужин она не заплатила.

Так этому греховоднику и надо, не без удовольствия подумала Михася, глядя в спину пьянчужке. Пьянчужка прокладывала себе маршрут, как муха по стеклу.

– Ну, вот, – пространно прокомментировал Борис. В интонации явственно присутствовало облегчение.

– А мне показалось, что она вам понравилась. – Губы у

Михаси кривились.

Официантка с подносом заслонила Катькину фигуру, на столе появились еще один бокал вина и рюмка коньяку, на этот раз с сыром и маслинами.

– Вам не показалось, – заверил ее Борис, когда официантка отчалила.

Михалина пригубила вина.

– Не поняла.

Здесь Борис Чарнецкий показал свою мужскую – или журналистскую? – природу:

– Все элементарно. Передо мной красавица и доступная красавица. Кого я выберу?

– И кого же? – глупо переспросила Михася, хотя ответ лежал на поверхности.

– В данном конкретном случае – доступную красавицу. Я ж не жениться собираюсь по пути в Варшаву, а только провести время.

– Это-то как раз понятно. – Михалина начала злиться. – Не понятно другое: зачем вы меня удержали?

– А это просто. Чтобы посмотреть на вашу и ее реакцию. Мне было интересно, как она себя поведет. Как вы себя поведете. Вы же такие разные.

– То есть, вы нас пытались сравнить?

– Ну, зачем так грубо? Я бы назвал это столкновением интересов.

– Да какие интересы? А если бы она в меня вцепилась? –

Михалина знала, о чем говорит!

– Думаете?– оживился господин публицист.– Хотя, вы правы, такие способны на многое. Характер.

– Уличное воспитание это, а не характер.– Михася смерила журналиста-публициста взглядом сверху вниз.– Мне пора. Позвольте, я выйду.

Неожиданно Чарнецкий, посверкивая очочками, наклонился так близко, что защекотал спутницу усами:

– Вам идет сердиться.– По щеке Михалины заскользило подогретое алкоголем дыхание.

– Перестаньте строить из себя Дон Жуана,– вспыхнула она.

– Упаси бог. Кто Дон Жуан? Я?

– Поднимитесь и выпустите меня!

На них стали оглядываться.

– Тише, тише,– господин Чарнецкий смотрел с веселым изумлением.– Уже поднимаюсь!

Тут Михалина опомнилась, полезла в задний карман джинсов за кошельком, но Борис перехватил ее руку:

– Не вздумайте. Я обижусь.

Михася почувствовала себя сбитой с толку.

Этот жест... великодушия? Корысти? Чего? Жест выглядел крайне подозрительным. Вдруг публицист потребует вернуть долг натурой?

Тут в Михалине проснулось здоровое чувство юмора: ты на себя посмотри, натура. Кто на тебя позарится? Любитель благородной старины или последний некрофил. Публицист

по определению не может быть некрофилом – у него двадцатитрехлетняя жена.

– Вот еще, – пробормотала она и кивнула официантке.

– Я готов принести извинения.

– Не стоит. Вы такой, какой есть, и таким останетесь, хоть извинитесь еще сотню раз. Мы с вами всего лишь случайные попутчики. Дорога когда-то закончится, и мы больше никогда не увидимся.

– Удивительно. За короткое время вам дважды удалось внушить мне чувство вины. Это под силу только настоящей женщине.

– Это комплимент?

Чарнецкий пожал плечам:

– Если бы мне сказали, что я настоящий мужчина, я бы воспринял это как комплимент. Но вы правильно делаете, что не верите мне. Последнее время я и сам себе не доверяю. Все запуталось, знаете. Я вдруг понял, что потерял нравственную опору в жизни.

Косясь на публициста, Михася внутренне подобралась. Ну и тип!

Раскусил ее на пятой минуте разговора и вяжет, вяжет оснастку. Таких высот одной интуицией не достичь, пожалуй, это мастерство, возведенное в ранг искусства. Ноги в руки – и драпать от этого шелкопряда-виртуоза.

– Заказывать будете? – спасла ее официантка.

– Спасибо! Нет! – Михася обрадовалась тетехе, как род-

ной.— Счет, пожалуйста.

Чарнецкий-таки оплатил ужин. Михалине пришлось утешаться тем, что платил он не только за нее, но и за чертову бестию.

По пути в купе она держалась с подчеркнутой холодностью.

Чтобы растопить лед, Борис вился вокруг спутницы, выказывал воспитание и галантность: поддерживал в переходах, подавал руку, пропускал в нужных местах вперед или, наоборот – придерживал, словом, беспокоился, хотя беспокойство это, скорее, относилось не к спутнице, а к тарелке с сыром и маслинами, которую она несла из ресторана.

– Михалина, расскажите о сестре. Это родная ваша сестра или двоюродная?– в паузах между тактическими маневрами, расспрашивал Чарнецкий.

– Родная,– отвечала она.

– И как она оказалась в Польше?

– Как все, так и она.

– А именно?

– Репатриировала. Мама у нас полька.

– Вот оно что. Младшая или старшая сестра?

– Старшая.

– А как с работой у сестры?

– Нормально. Преподает в гуманитарном университете в Варшаве. – Михася всегда считала, что самой ей похвастаться нечем, поэтому с удовольствием хвасталась сестрой.

– Что преподает?

– Сравнительное языкознание. Она филолог. Сестра достаточно популярная фигура в своей среде. Защитила недавно докторскую. Очень активный человек. Помимо часов в университете еще факультативы ведет. И собирает пожертвования для бездомных животных.

– Как ее зовут?

– Стефания Ивановна Трацевская.

– А семья?– Они уже подошли к купе, и Чарнецкий откатил перед спутницей дверь.

– Да как–то не сложилось.

Остановленная запахом, Михалина замерла на входе, принюхалась и оглядела их временный приют.

В глаза бросился прозрачный пакет, жавшийся на краю столика. Сквозь него проглядывала вполне предсказуемая яичная скорлупа, обглоданная куриная ножка и пучок зеленого лука.

Не дотянув до своего места наверху, Катька заняла нижнюю полку напротив дремлющего Платона Фархатовича.

– Как ты? – поинтересовалась Михалина, наклоняясь к девице.

– Ух, ты. Классно! – Катькин мутный взгляд остановился на оливках с сыром. Она пошарила у себя за спиной, нашупала сумку и извлекла на свет бутылку коньяка.

– Что, опять?– оторопела Михалина.– Куда тебе?

– Не мне, а нам! Да вы не стесняйтесь,– тоном своего в

доску парня пригласила пьянчужка,— присаживайтесь.

Михася приткнулась с нею рядом и посмотрела несчастными глазами на Чарнецкого — тот озадаченно молчал.

— Как вы говорите? Если повезет с попутчиками — повезет в поездке?

— Сейчас границу пересекать будем,— проводив бутылку сумрачным взглядом, остановил Катьку Борис. — Спрячь это.

...Михалина могла голову дать на отсечение: служебно-розыскная собака(кокер-спаниель по кличке Гребешок) дергала носом в сторону Катькиной сумки, куда та сунула коньяк.

Поезд загнали в тоннель, пассажирам раздали декларации.

Идея накатить в режиме особой секретности Катьку возбуждала.

Михася нещадно трусила и пыталась пробудить в своих соседях по купе хоть какую-то социальную ответственность, но ей всучили стакан со словами:

— Или все, или никто. Не портить людям вечер.

Разливала крашенная выдра. Очевидно, решила всех спотить, потому не скупилась.

— Все-все, хватит!— придушено охнула Михася, когда дошла очередь до ее стакана.— Куда? Это неразумно. Зачем напрашиваться на неприятности?

— Ой, да ладно тебе,— поморщилась выдра.— Строишь из себя принцессу крови. Выпьем за обратную дорогу.

Платон Фархатович многозначительно хмыкнул, и было не понятно, к чему это хмыканье относится: к тосту или к принцессе крови.

Михалина предпочла думать, что к тосту.

– За что? За обратную дорогу? Не рановато? На место еще не прибыли, – заметил Фархатович.

– Мне нужно чем-то запить, – без всякой логики потребовала Михася.

– Коньяк? Запить? – ужаснулась выдра.

– Я не пью крепкие напитки. – Все-таки Михалина была человеком с убеждениями.

– Гос-с-с-поди. – Бестия посмотрела на нее с отвращением. – Какая же ты зану-уда!

– Один момент. – Борис поставил свой стакан, спустил с верхней полки сумку, рука его нырнула в боковой карман и вынырнула с прямым пластиковым стаканчиком и пакетом сока.

Михалина вознесла молитву Богородице: стакан был матовым.

– Спасибо, – грудным голосом поблагодарила она своего спасителя.

Катка раздула ноздри:

– Все? Погнали?

– Сколько угодно, – разрешила «принцесса крови».

Пить она не собиралась, поэтому прибегла к проверенному трюку: глотать коньяк не стала. Набрал в рот, осторожно

(здесь не обойтись без натуралистической подробности) выпустила в стакан с соком.

– Девушки, мы можем в Варшаве встретиться,— внес неожиданное предложение Чарнецкий.

– За встречу в Варшаве,— тут же провозгласила Катька. Прозвучало почти как за встречу на Эльбе.

Начался всеобщий обмен телефонными номерами. Михасю эта процедура не коснулась, потому что сотового телефона у нее не было в заводе. Отстраненно наблюдая за попутчиками, заметила: Катька себя обошла, и под шумок свой пустой стакан замаскировала пакетом с остатками ужина бедуина.

Тут в вагоне послышался шум, раздались шаги и голоса, бутылка и стаканы моментально испарились, но вошедшие пограничники все равно дергали носами, как давешний кокер—спаниель.

Едва поезд выехал из санитарной зоны, Михалина снялась с места и, захватив с собой рюкзак, улизнула за дверь.

Когда Михася вернулась в купе, мужчины храпели, а Катьки на месте не оказалось. Михалина решила, что пьянчужка вышла по нужде или ей снова стало плохо. Испытывая по этому поводу удовлетворение, она устроила рюкзак на крючок в изголовье, легла, еще несколько минут воевала с подушкой и рюкзаком (одно исключало другое), наконец, с удовольствием вытянулась на хрустящей простыне и мгновенно заснула.

Глава 7

... Поезд стоял.

Выпутавшись из простыни, Михася посмотрела на часы – они показывали половину пятого утра.

Стараясь не шуметь, привстала и выглянула в окно – прямо напротив вагона выступало из предрассветной дымки здание вокзала, на нем крупными буквами была обозначена привязка к местности: «Siedlce». Седльце, перевела она.

Сон улетучился. Под ребрами у Михалины пульсировало, разрасталось и тяжело ворочалось счастье.

В голове фейерверками расцветало: через час тебя встретит Стефа. Через час для тебя наступит Юрьев день. Через час ты пополнишь сонм счастливых, посетивших древний город... Станешь другим человеком, освобожденной женщиной Востока.

Подождав, пока поезд отойдет от станции, Михася тихонько соскользнула со своего места и с удивлением обнаружила, что Катькина полка над ней пуста.

Завершив все процедуры, Михася поддалась наитию и заглянула к проводникам:

– Доброе утро, – она лучезарно улыбнулась. – Не знаете, куда подевалась наша попутчица из восьмого купе?

– Сошла.

– Как сошла?

– А так: ногами по ступенькам сошла в Седльце, – равнодушно бросила снулая тетка и отвернулась.

Что-то удивило в ответе, но Михалина не поняла, что именно. Сам ответ или тот факт, что Катька болтала много, но ничего, ни слова, ни полслова не сказала про Седльце. Зато Катька говорила про Варшаву. Они собирались там встретиться с Борисом.

Мысли о крашеной выдре быстро вытеснились другими, и Михалина забыла думать об этих странностях – ей не терпелось ступить на землю предков.

Будить спящих попутчиков она не стала из благих побуждений: до станции Варшава-Западная, куда ехали журналист и его друг, время еще было, а после вчерашнего сон им был показан.

Решив, что так даже лучше – не прощаясь, – Михася осторожно откатила двери и вынесла свой архи скромный багаж.

До Центрального вокзала так и простояла в тамбуре, нетерпеливо, как цирковая лошадь перед номером, перебирая ногами.

За окном проплывали холмы, усыпанные нарядными деревеньками, особенно рассматривать было нечего, но Михася шурилась от счастья и даже что-то тихонько мурлыкала себе под нос. И это был не псалом.

Глава 8

...Угодив из поезда в распростертые объятия Стефании, она услышала:

– Матка Боска! Ты чего такая зеленая? Или это из-за света искусственного? – Стефа отступила на шаг и продолжала с пристрастием разглядывать сестру. – И что это на тебе, Мисюсик?

– Отстань, – нежным голосом попросила путешественница и поцеловала Стефу.

Одевалась Михалина по принципу: бедненько, но чистенько. Этот стиль одежды, прическу (хвост, как правило), макияж или, точнее сказать, его отсутствие Стефания подвергала беспощадной критике.

Вкусу сестры Михалина привыкла доверять – он развит был до уровня инстинкта. В данный момент на Стефе были черные джинсы и свободный жакет, тоже черный, из-под которого выглядывали невероятная, нежно-лиловых оттенков рубашка и густо-сиреневая жилетка. Фиолетовые замшевые ботиночки сразили Михасю наповал. Сначала ей стало себя жалко, а потом по дну души анакондой проползла настоящая, постыдная, можно сказать, порочащая католичку зависть. Михася попыталась придушить ее смирением (каждому воздается по заслугам, в конце концов, у тебя двое сыновей, а у Стефании только ботиночки), но и оно оказалось

весьма сомнительным.

– Где твои вещи?

– Все здесь, – Михася потрясла рюкзаком.

– Позоришь фамилию.

Сестры направились к эскалатору, поднялись с нулевого этажа на первый, мимо магазинчиков и касс вышли на городскую площадь, набирающую разбег перед будним днем.

С Балтики тянулись облака, и без того неяркий солнечный свет путался в них, рассеивался, пробившись, осторожно касался крыш, верхушек деревьев и асфальта.

В носу у Михаси защипало. Очертание чудовищной башни в стиле «космо», придающей площади зловещий вид, расплылось.

– Ты будешь в восторге, – будто издалека донесся голос Стефании.

Впитывая всей кожей, легкими, зрением и слухом атмосферу города, его шум и толчею, Михася почти не слушала сестру, а когда вслушалась, поняла, что пропустила большую часть из того, что та говорила.

К этому моменту они уже стояли перед ослепительным «Ситроеном»–«жуком». Из монолога сестры Михалина с удивлением узнала, где всю жизнь хотела побывать и чем заняться:

– ...помнишь, нас с детства интересовала история семьи? Могу тебя порадовать. Сейчас мы как раз и займемся биографическими исследованиями. Мы же с тобой Трацевские,

сестренка!— Стефа стиснул сестру в объятиях.

Михалине стало грустно.

Фамилия корнями уходила в польскую шляхту. Семейное предание сохранило историю о прапрадеде по материнской линии, который за участие в польском восстании 1863 года был сослан в Сибирь, откуда ему удалось бежать – поступок достойный шляхтича.

Возможно, по этой причине все девочки в браке оставляли себе девичью фамилию. Так поступили прабабушка с бабушкой, так поступила мама, и Михалине со Стефанией ничего не оставалось, как продолжить традицию: если не гены, то фамилию у них было не отнять. Только какая она Трацевская? Недобитюх убил в ней главное – достоинство.

– Найдем дом, где жил наш прапрадед Франц, будем исследовать его жизнь.— Сестра выждала торжественную паузу – Михася не реагировала.

Стефа списала ее онемение на дорогу, азиатчину и культурный шок, и продолжила:

– Я тут немного покопалась, но несерьезно, знаешь, набегали. Навела справки, выяснила, где искать. Теперь мы возьмемся за это всерьез. Нужно отыскать корни фамилии. Я уже выяснила кое–что. В Центральном архиве исторических записей есть сведения обо всех участниках того самого Январского восстания, в которое ввязался наш прапрадед. Туда мы завтра с утрачка и отправимся. Если нам повезет, отыщем могилки предков. Правда, здорово?

Продолжая стрекотать о том, как это замечательно – отыскивать могилки и рыться в архивной пыли, – сестра щелкнула пультом и распахнула перед Михасей дверь.

– Мне уже сорок, так что откладывать больше некуда. Я взяла отпуск, посидим в интернете, полазаем на сайтах. Их полно разных. Ищите и обрящете, стучите и откроют, просите и дано будет вам, так ведь?

Стефа, наконец, обратила внимание на легкую контузию сестры.

– Шикарная, да?

– Кто?

– Тачка.– Будучи филологом, Стефания считала особым шиком употреблять русские жаргонные словечки.

– А! Да, конечно.

– Что с тобой? Ты не рада?

– Рада, конечно, только я ехала на юбилей ... вообще–то,–кисло промямлила Михася.– И город посмотреть.

– Если ты имеешь в виду поход в оперу или в кабак – этого не будет.

– Опера–то тебе чем не угодила?

– Мисюся! – нетерпеливо воскликнула сестра,– я предлагаю погрузиться в эпоху, в прошлое семьи, ощутить себя частью истории – не ты ли об этом мечтала?

Ничего такого Михася припомнить не могла – кажется, Стефания приписала ей свои мечты и желания.

– Неужели?– с сомнением спросила она.

Они уже ввинтились в игрушечное авто, в котором Михалина чувствовала себя, как в саркофаге, и Стефа вставила ключ в замок зажигания.

– Ты какая–то сама не своя. Как доехала?– осведомилась сестра.

– Нормально. Попутчики странные попались. Попутчица,– уточнила Михалина.

Внутри у нее тихо тлела какая–то необъяснимая маета.

Может, Митяй был прав – шевельнулась предательская мыслишка,– может, не следовало ставить под угрозу будущее ради сомнительного погружения в прошлое?

Глава 9

... Тишина давила на уши так, что в голове звенело.

Собрав силы, Герасимов разлепил веки и страшно удивился, когда рассмотрел зеркало на двери, полки, тисненую обшивку переборок – все это чертовски напоминало купе....

В ту же секунду в голове произошла короткая вспышка, из плотной завесы в сознании выплыли подробности вчерашнего вечера.

Чарнецкий, попутчица... Голову сдавил обруч.

Герасимов пошевелился. Его замутило, кости и мышцы отозвались болью, будто у него была температура.

В приступе отвращения к себе Герасимов издал глухой стон и сел.

В ответ откуда-то сверху раздался хрип:

– Платоша, ты здесь?

– Боря, это ты?

– Я-я-а, – простонал лучший друг.

– Ты как?

– Хреново. А ты?

– Аналогично.

На все лады костеря себя, Чарнецкий сполз со своей полки, плохо управляя членами, приземлился на нижнее место напротив Герасимова.

– А где все? – удивился он.

Вопрос озадачил обоих. Некоторое время в тоскливом молчании приятели рассматривали купе, друг друга и панораму за окном – она была убийственно статичной.

– Кажется, приехали? – проявил смекалку Герасимов.

– А где вещи? – не уступая другу в сообразительности, задал сакраментальный вопрос Борис.

Герасимов свистнул. Барсетка с документами и сумка со скудным гардеробом исчезли.

В эту самую минуту дверь в купе с грохотом, показавшимся друзьям невыносимым, отъехала. На пороге возникла постариковски грузная фигура в форменном костюме, с изогнутым ключом от купейных замков в кулаке.

– Цо это есть?! – изумился проводник или кто он там был.

Пассажиры затравленно молчали, и мужчина продолжал недоумевать.

– Кто то есть? Як це называ?

– То есть пассажиры, – пояснил Герасимов, чем привел старичка в крайнее возбуждение. На смеси польского и русского проводник потребовал покинуть вагон.

– Куда же мы пойдём в таком виде? – попытался воззвать к благоразумию железнодорожного божка Чарнецкий, но достиг обратного эффекта.

– Проше о паньске докумэнты, – наливаясь краской, повысил голос старый пень.

– У нас нет документов. Нас обокрали, – в два голоса пытались втолковать друзья, но их собеседник несколько раз упо-

мянул полицию, и, не добившись нужного результата, продемонстрировал блестящее знание русского мата.

– Давай его скрутим и снимем с него форму, – обозлился Чарнецкий.

Предложение не пришлось повторять дважды.

Друзья в едином порыве втащили железнодорожника в купе и закрыли дверь.

Через несколько минут дверь купе отъехала, выпустив в проход две странные фигуры. Друзья по-братски поделили трофейную форму: Борису достался пиджак, Платону Фархатовичу – брюки.

Изрыгающий проклятия на двух языках поляк бестрепетной рукой был заперт снаружи тем самым, экспроприированным вместе с формой, изогнутым ключом.

Глава 10

...День улетел, как один час.

Деньги тоже.

Зато. Зато теперь в распоряжении Михалины имелись: стильный хлопковый жакет, умопомрачительные, не хуже чем у Стефы, ботиночки, и шикарная кипенно-белая рубашка из тонкого льна. Как выразилась Стефания, теперь с сестрой было не стыдно совершить элегантный променад по Старому Городу.

Метаморфозы продолжались.

Как только на плечи Михалины лег невесомый лен, а ноги устроились в ботиночках, голова заработала, как механизм, и она вдруг поняла: если они погрузятся, проникнутся, почувствуют себя частью и все такое, то, в конечном итоге, подтвердят шляхетство.

А это значит, что она, наконец-то, сможет заткнуть рот Митяю!

С этого момента не то, что предательских, в подкорке у Михалины вообще никаких мыслишек больше не водилось, мозги поплыли, она погрузилась в мечтательное состояние, и Стефания билась с ней, как с безмозглой студенткой, явившейся на экзамен с пирушки.

– У меня был план, – ворчала Стефа. – Мы с тобой не должны ни на что отвлекаться. Времени в обрез, ничего же не

успеем. Ну, давай, включайся.

Загнав «жука» на стоянку, сестры нагрузились коробками и пакетами и побрели домой. Стертые ноги гудели.

Стефания продолжала:

– Знаешь, Советы сделали все, чтобы люди забыли своих предков. Интересоваться прошлым было опасно. Вдруг откапашь что-то? Вдруг родственники провинились перед властью? Сейчас опубликовали число жертв сталинских репрессий. Сколько, думаешь, их было?

– Понятия не имею.

– По неточным оценкам пятьдесят – пятьдесят пять миллионов. Перед революцией в Российской империи насчитывалось сто двадцать пять миллионов населения. Вот и считай, сколько народа замучил режим. Третью. Представляешь? Одну третью часть. В голове не укладывается.

Пройдя под аркой, Стефания остановилась у крыльца с двумя ступеньками и металлическим фонариком, свисающим с резного козырька над входом.

Михася никогда не интересовалась, а Стефания не распространялась на тему, каким образом ей удалось при разводе оставить за собой крошечный домик в предместье Варшавы – неказистое оштукатуренное строение с мансардой, нахально затесавшееся среди барокко и необарокко.

На первом этаже размещались гостиная, кухня и совмещенный санузел. Гостиная с кухней являли собой образец современной студии.

Все было микроскопических размеров, зато в гостиной имелась остекленная дверь на задний дворик, пугливо жавшийся к стене дома. Вечер, к сожалению, был прохладным, и ужин на пленер отменялся.

Глава 11

...– Другого выхода у нас нет, – жарким шепотом склонялся на свою сторону друга Чарнецкий.

– Есть. Надо позвонить в Союз журналистов.

– Как? Телефон у какой-нибудь старушки отнять?

– Нет, – сказал, как отрубил, Герасимов. – Хватит насилия.

– Вот я и говорю: выхода нет. Нужно искать Михалину и ее сестру.

Перспектива предстать в таком виде перед сказочной попутчицей Платона Фархатовича убивала.

– Может, ты знаешь, как? – с издевкой спросил он.

– Нужно обратиться в полицию, – родил гениальную идею Чарнецкий.

Герасимов злорадно усмехнулся:

– То-то они обрадуются.

Разговор состоялся в мужском туалете торгового центра.

Покинув отцепленный, как оказалось, и загнанный в тупик вагон, друзья долго блуждали по железнодорожным переездам, шарахались от пронзительных свистков и гудков локомотивов, пока не оказались на шоссе (по всем признакам это был пригород), где и наткнулись на здание центра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.